

Председатель правления Советского фонда культуры академик Д.С.Лихачев предлагает создать в Подмосковье национальный парк, центром которого мог бы стать Николо-Пешношский монастырь.

С рек ли Яхромы, с Пешноши ли, с Рогачевского ли тракта заехать иль от Дмитрова - монастырь виден издали, смотрится внушительно. Так уж место выбирали в стародавние времена: хижина отшельника поглубже в лесу, храм Божий - на большаке, на самом виду. Прежде звон колоколов разносился, и какой звон! Нынче, понятно, о колоколах уж речи нет - не осталось и помину, был тут одно время приют для престарелых, иначе богадельня, а в двадцатых годах, почти на сорок лет стал монастырь домом инвалидов. И сейчас еще так зовется остановка автобуса, хотя последние двадцать лет здесь расположен психоневрологический интернат № 3, где живут семьсот душевнобольных.

О былом величии напоминают только мощные стены с башнями да мраморная плита у ворот:

«Николо-Пешношский монастырь - комплекс памятников гражданского, оборонного и церковного зодчества XVI-XIX веков. Основан в 1361 году учеником Сергия Радонежского Мефодием Пешношским.

Первоначальные деревянные постройки не сохранились. Кирпичные сооружения возводились с начала XVI века, дополняясь и видоизменяясь в последующие столетия. Здания монастыря - свидетели многих исторических событий - пострадали во время войн начала XVII века и в 1941 году.

Все древние строения монастыря и прилегающая территория подлежат охране как всенародное достояние».

Это лишь краткая историческая справка, но посмотрим: что тут происходит сегодня? Хотя "посмотрим" - скорее риторическая, сиречь словесная фигура:

пойти и посмотреть на всенародное достояние не так-то просто, ибо арендатор комплекса - организация сугубо ведомственная. Пришлось некогда старинные хоромы занять под лечебное учреждение, и сегодня многие понимают, что давно пора бы их освободить. Вопрос о переселении психинтерната в новое помещение с конца 70-х годов поднимался не однажды, но и до сих пор строительство нового помещения все еще на стадии проектной разработки.

Жилой дом - не памятник. И раз монастырь для интерната - место жительства, то и нужно, чтоб оно было в порядке; чтоб нигде не дуло, не капало. Вот о чем прежде всего болит голова у директора Валентины Митрофановны Шушпановой. Все время чего-то не хватает: то рук, то труб, то техники, то наличных средств. И Главмосремонт (он обслуживает интернат) не может освоить отпущенные заказчиком средства - нет, говорят, кровельщиков.

А уютно ли жить в бывших монашеских кельях и трапезных (хоть и переделанных в спальни и холлы с телевизорами)? Удобно ли обедать в бывшем кафедральном соборе, превращенном в пищеблок - где от кухонной сырости своды в трещинах покрыты непросыхающей черной плесенью? **И способствует ли такая обстановка душевному здоровью?**

Кураторы из МосжилНИИпроекта признаются: «Отделяемся в основном составлением смет - подходы к объекту очень уж трудные». Да, это в прежние годы монастырь был неким административным центром: ни по реке, ни по суше никто его не минует, стороной не обойдет. Теперь не то: стоит на отшибе - областная глубинка.

Нет, видно, не обойтись без сравнения.

«В продолжении столь многих лет, конечно, была сия обитель свидетельницей множества важных событий и сама испытала различные перемены. Но, к сожалению, древнейшая ее история, не скудная, без сомнения, примерами благочестивых подвигов ее обитателей... скудна современными о том свидетельствами». Так писал в начале прошлого века русский археограф-историк К.Ф.Калайдович, в подтверждение сказанному и начал он составлять свои записки о монастыре. Интересно, что всю жизнь ученый разыскивал и издавал древнерусские тексты, так называемые первоисточники ("Изборник Святослава", произведения Кирилла Туровского, "Законы" Ивана III и Ивана IV), а эта книга,

изданная уже после его смерти на основе его архива - сама стала неким первоисточником сведений о Пешношской обители. И не мудрено: ведь в юности Константин Калайдович был сослан и почти год провел в стенах этого самого монастыря.

Мы проходим по этажам братского корпуса (толстые стены, низкие своды), поднимаемся на колокольню, где кроме десятка прочих, висел и **двухсотпудовый праздничный колокол - гордость всей округи**, забираемся на самый верх надвратной башни, откуда вся окрестность как на ладони - и пытаемся представить, о чем думали наши предки, те, что добровольно заточили себя в этих стенах.

Об основателе монастыря **Мефодии Пешношском** известно немного. Что жил, удаляясь от суеты мирской, в лесной глуши, постничая и вознося молитвы, что люд окрестный, прослышав о благочестивом муже, шел к нему за советом и помощью. Посещал хижину схимника и наставник его,

преподобный Сергей

, хоть и не близок был путь от Троицкой лавры - 65 верст. Он и подвиг

Мефодия

переселиться за Яхрому и заложить там общежительный дом для молящих.

Мефодий

сам лес валил для церкви Николая-чудотворца, пеш нося бревна за речку (отсюда и

Пешноша

), и келейный корпус возводил, и был первый здесь игумен.

Появление монастыря именно на берегу **Яхромы** не случайно - эта река с незапамятных времен была основным участком торгового Яхромского пути, соединявшего Москву с Волгой. Крупные волжские корабли, конечно, не могли пройти с грузами по извилистой узкой Яхроме. Они поднимались по Дубне, по Сестре до села Усть-Пристань, а здесь товары перегружались на легкие суда, которые по Яхроме попадали в Волгушу. Затем волок в Сходню, а оттуда рукой подать до Боровицкого холма. Под стенами монастыря проплывали лодки, груженные солью и рыбой с Мологи, живицей и медом из-под Твери, кожами из Нижнего Новгорода.

Издrevле монастыри, играя роль крепостей, строились па оживленных торговых путях, охраняя их от лихих людей. Находясь,. говоря современным языком, возле транспортных артерий, сообщества монахов активно включались и в торговую деятельность.

Например, из жалованной грамоты князя Михаила Андреевича, писанной и конце XV

века, известно, что **«настоятели Пешношского монастыря, подобно другим знатнейшим монастырям, имели открытую судоходную промышленность до Бела-Озера»**. А сын Дмитрия Донского, князь Василий, подарил монастырю среди прочих сел и Рогачево, через которое монахи вели свои торговые дела. Вскоре монастырь приобрел село Усть-Пристаи с судовым причалом, завел там харчевную избу и монополизировал бортничество по всей округе

Кроме вотчин жертвовали князья монастырю то кадило серебряное вызлаченное (этот дар Дмитровского князя Юрия Васильевича хранится в Оружейной палате Московского Кремля), то потир, то иконы греческого письма или священные книги. **Епископ Смоленский, в память о своем игуменстве на Пешноше**, прислал на престольный крест, золотой, изумрудом, яхонтом да лалом украшенный...

Как видим, обитель находилась под княжеским попечением и покровительством. Сам государь и великий князь Иван Васильевич, столь грозный для многих, к монастырю был милостив. Из радости от трех важных событий: взятия Казани, избавления от тяжелой болезни и рождения наследника Дмитрия -предпринял он, согласно обету, паломничество. «Преславной ради победы и ради чадородия, воздающе Богу благодарение, поидоша царь и царица со отрочатем ея по святым местам, - сообщал летописец, - и был у Троицы в Сергиеве монастыре и у святого Николы па Пешноши». Отписал царь Иоанн монастырю в надел дворцовое село с 25 деревнями, со всеми их землями и угодьями...

Из школьного курса истории мы знаем, что монастыри являлись крупными феодалами-землевладельцами. Но чем объяснить щедрость к ним сильных мира сего? Думается, не только об укреплении собственной власти заботились великие и малые князья, одаривая монастыри и жертвуя на церкви. Они сами свято веровали в могущество праведной молитвы: помогли же святые угодники и на поле Куликовом против басурмана выстоять, и под стенами ханской столицы его одолеть. Не одной силой оружия, но силой духа и крепостию веры...

До сих пор покрыто мраком появление в **Пешношском монастыре иконы Иоанна Предтечи**, писанной Андреем Рублевым. Специалисты считают, что круг вопросов, связанных с ней, настолько существен, что требует специального исследования и, возможно, пересмотра сложившихся представлений о развитии московской школы живописи первой половины XV века.

Но ни молитвы, ни каменные стены, ни пищали с бердышами не спасли монастыря, не охранили от нашествия ляхов - только-только отстроенный после пожара, был он снова в начале XVII века сожжен. *«Два иеромонаха, два священника, один иеродиакон, шесть схимников и тридцать семь трудников пали от меча врагов. Земля сохранила позднему потомству имена их, изсеченные на камнях, и все они вписаны в братском синодике для вечного поминовения»*, - сообщает Калайдович. Череч 200 лет почти, при перестройке Никольского собора, на месте прежней паперти найдены были каменные плиты с именами павших за отечество. Примечательный факт: главные монастырские ценности и реликвии удалось тогда сберечь от огня и разграбления. Не понятно как, но удалось - и не только золото-серебро, но и иконы, книги, раку (гробницу) с мощами Мефодия Пешношского и его посох... Нам бы теперь столь трепетное отношение к своему прошлому.

По пальцам можно пересчитать в Подмоскowie памятники архитектуры начала XVII века. К ним принадлежит и сказочный городок у слияния Яхромы и Пешноши. В монастырской описи 1623 года, составленной вслед за разрухой смутного времени, впервые фигурируют каменные здания. Присутствует там и центральный храм монастыря - Никольский собор, точная датировка которого остается пока под вопросом.

До реставрации в 60-х годах нашего столетия собор имел псевдоготическую внешность, приобретенную в результате поновлений конца XVIII - начала XIX века. Реставраторы обнаружили под поздней оболочкой на южной стене терракотовые плитки, вошедшие в употребление в XV столетии. А общий облик Никольского собора специалисты связывают с провинциальным переосмыслением московских соборов.

Но почему же памятник архитектуры находится сегодня в столь жалком состоянии? Что же реставраторы не торопятся спасти всенародное достояние? Не так все просто. Дело даже не столько в мизерности средств, что выделяются на эти цели **Главным управлением соцобеспечения** и отделом домов-интернатов. Начальник Дмитровского участка Мособлстройреставрации И.П.Якушев говорит то же, что говорят все начальники реставрационных мастерских в подобных случаях: рук не хватает. И второе: нельзя всерьез браться за реставрацию, пока арендатор не освободит помещение.

«Мы уж на интерьер и не посягаем, - объясняет Игорь Петрович, - ведем исключительно наружные работы: латаем кровлю, купола подправляем и прочее.»

Несмотря на то, что реставрации **Никола-Пешношского монастыря** с перерывами идет уже более двадцати лет, полной ясности, что здесь нужно делать, у реставраторов нет. Основной причиной является то, что реставрационные работы, как впрочем и в других местах, ведутся по инициативе и за счет организации-арендатора, которая на самом деле заинтересована лишь в текущем ремонте вверенных ей помещений. А отсюда - необоснованные сроки реставрации, не предусматривающие детальной архитектурной, инженерной проработки. Вот и принимаются скороспелые решения, вот и летят выброшенные на ветер средства.

И снова областное управление культуры строго спрашивает с арендатора за сохранность памятника, арендатор смело кивает в сторону реставраторов, те же ссылаются на недостаток выделяемых средств. А памятник, свидетель стольких распрей на своем веку, терпелив и молчалив: не пожалуется, лишь скрипит под ветром ржавым кровельным листом. Зимой 1985 года рухнул шатер Западной башни. Что на очереди? Никольский собор - столовая? Преображенская церковь - картонажный цех. А может, церковка во имя преподобных чудотворцев Сергия и Мефодия, где до недавнего времени была котельная.

Как ни печально, но на «комплекс памятников зодчества» до сих пор нет сметной документации (и реставраторам-проектировщикам приходится заново делать все обмеры), а строители не могут начать закладку нового здания интерната, так как не ведают границ охранной зоны.

Все-таки монахи куда лучше вели свое хозяйство.

До конца XVII столетия монастырь еще процветал под призором князьим и богател: приторговывал излишками со своего подворья, прикупал, в чем имел нужду - все почти беспощинно. Даже царским сытникам и подклучникам запрещалось (была тому специальная грамота) въезжать в монастырские рыбные ловли... Доходы монастырские шли на украшение обители. Добраивались башни, укреплялись каменные стены, отливались новые колокола...

Далеко разносился сладкозвон большого Пешношского колокола - даже в ненастье, что не всякому голосу дано. Но пришел указ о снятии и перевозе его и Переславский

епархиальный собор. Дескать, благовест положено начинать соборным колоколом. Снять-то сняли, а вот вывезти сразу не смогли - подоспели крестьяне двух ближних сел прогнали "комиссию". Только со второго захода и удалось увезти 219-пудовый красавец-колокол, когда со всех зачинщиков "хорошенько сняли допрос". По упразднению епархии его не вернули обратно в монастырь, забрали в стольный Петербург на колокольню Петропавловской крепости. Когда же был взят Очаков, колокол отправили в Николаевскую цитадель.

Хорошо хоть сегодня никого не надо убеждать, что звон колокольный - вовсе не пустой звук. Но все ли осознали, что памятники зодчества - не просто старые стены мудреной кладки и даже не только бывшие хранилища древней культуры: архитектуры, живописи (об утраченных монастырских росписях кисти великих живописцев надо вести особый разговор), ювелирного искусства или книг, - но еще и оболочка национального духа. Пенять предкам за ошибки - не велика заслуга. Попытаться понять – вот что намного достойнее.

Да простит нам читатели банальное сравнение, но точнее не скажешь: сохранение исторических памятников - это айсберг. Причем на поверхности суета – лишь бы не снесли. Безусловно это необходимо, но подводную часть многие стараются не замечать. И дело здесь не только в том, что нет типовых проектов использования памятников, как выясняется, никакие организации не хотят связываться со старыми строениями, даже музеи норовят приобрести новодел-имитацию. Это и понятно – хлопотно со старым зданием.

- **Николо-Пешношский монастырь** сможем освободить не раньше 1995 года, - говорит заведующий отделом домов-интернатов для престарелых и инвалидов Управления социального обеспечения Мосгорисполкома Станислав Алексеевич Малев. - Но имейте в виду следующее: сейчас мы хоть отапливаем помещения, убираем снег, а если уедем? Ведь бесхозные сооружения стареют и рушатся намного быстрее.

Наверное, положение других интернатов еще хлеще, коли до Николо-Пешношского монастыря у Управления пока руки не доходят, но, может, это спасает пока архитектурный комплекс от полного разрушения? Вот такой парадокс.

Конечно, надо что-то делать. А что? Кто возьмет себе монастырь, если даже заместитель начальника Управления культуры Мособлисполкома Лидия Андреевна

Краснощекова открестилась от него.

- Николо-Пешношский монастырь в ведении Мосгорсобеса, пусть Москва отпускает средства на реставрацию, а нам и на областные объекты не хватает.

Одним слонем, будущее памятник весьма туманно. Предположим, интернат отсюда выселят. Что станет тогда монастырем, кто будет его обихаживать? Пока что желающих нет. Хорошо, если бы согласился какой-нибудь историко-краеведческий музей (областной или республиканский), но где взять ему те огромные средства для поддержания комплекса? Организации, что могли бы оплачивать восстановительные работы как правило, весьма ;далеки от истории от культуры. Где же выход и тупикового, казалось бы, положения, характерного для многих памятников Подмосковья?

В селе Рогачеве, например, выход нашли. Здесь в середине XIX века построен был Никольский собор. На пожертвования купцов воздвигнутый с размахом, по-купечески, он поражает своей мощью. С конца 30-х годов уж нашего века храм разделил судьбу большинства церквей: бездействовал, долгое время вообще пустовал, потом бы складом картошки. И еще долго бы его не коснулась рука реставраторов, если бы рогачевский сельсовет не решил оборудовать его под культурный центр. С концертным залом на 730 мест. Вот нам и связь поколений: и собор ведь был когда-то духовным центром волости. А решение сельсовета взять расходы по реконструкции на свой счет - чем не благородный поступок? Как и два века назад (в истории с колоколом) собрались крестьяне на сход, посоветовались и решили: осилим реставрацию, зато дети, может, помянут. Вообще говоря, любая церковь должна принадлежать верующим. И лишь с их согласия ее можно использовать для иных целей.

Конечно же, не каждая из множества разрушенных, полуразрушенных или просто пустующих церквей годится под концертный зал или под музыкальную школу. Но что ни одна, из них, поставленных но славу духа, не годится под амбар или цементный склад - очевидно. А сколько их еще используется именно так?

Научный сотрудник Дмитровского музея истории и искусства Р.Ф.Хохлов поделился мечтами о восстановлении городских исторических зданий (в частности дома Кропоткина). Ромуальд Федорович уверен, что экскурсионные бюро, приносящие значительные прибыли, и бедные их родственники - краеведческие музеи, равно как и разрушающиеся повсеместно историко-архитектурные памятники - суть звенья одной

цепи. Замышлялись они изначально как некое целое, на едином экономическом балансе. **Но кто-то порвал эту цепь, окружив распавшиеся звенья ведомственными оградями. Не пора ли их вновь соединить, вернув историко-культурному комплексу все, что по праву к нему относится?**

Замечательное здание XVI века Успенский собор Дмитровского кремля, где ютится исторический музей, тоже находится в аварийном состоянии, да и тесно оно для такого музея - содержимое запасников во много раз превышает экспозицию, а сами помещения никак не отвечают нормам музейных хранилищ. Когда же музей, наконец, справит свое новоселье в стенах Борисоглебского монастыря, можно будет подумать и о филиале музея. Скажем, в том же **Николо-Пешношском монастыре**. И экскурсионное бюро при нем можно организовать. С почти готовым туристским сервисом в придачу. Ведь большой двухэтажный гостиничный корпус за воротами монастыря **(сейчас один из корпусов психинтерната)** так и был задуман - специально для приезжих.

И основная идея, с которой мы начали разговор - идея академика Д.С.Лихачева создать и в блоковско-менделеевских местах Подмосковья национальный парк с центром в Николо-Пешношском монастыре. Кто сможет субсидировать ее реализацию? Многомиллионные "проекты века" (осужденные публично) говорят, что деньги изыскать все-таки можно. За чем же дело стало? Всем теперь должно быть ясно, что, вкладывая средства в старые стены, мы становимся богаче, ибо обретаем вновь чуть было не утраченные корни.

Виктор Антонов, Владимир Потресов,
[«Наше наследие», №6, 1989 г.](#)